

Научная статья

УДК 343.13(470+571)

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-2-9>

Запрет определенных действий как уникальная и универсальная мера процессуального принуждения в российском уголовном судопроизводстве

Наталья Николаевна Гребнева[✉], Анастасия Валерьевна Максимовских
Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Аннотация. В статье определяется значение запрета определенных действий как универсальной меры уголовного принуждения, анализируются ее особенности, уникальные характеристики и преимущества перед другими мерами принуждения. Утверждается, что запрет определенных действий в уголовном процессе необходимо рассматривать и как самостоятельную меру пресечения, и как необходимое составляющее звено домашнего ареста, и как возможность обеспечения залога, и как содержание ареста на имущество, и в целом как элемент нормального и эффективного функционирования уголовного процесса. Особое внимание уделяется гуманистической направленности и вариативности применения запретов, а также технологическим аспектам контроля за их соблюдением. Выявляются проблемы, связанные с недостаточной регламентацией механизма контроля за соблюдением установленных запретов, и предлагаются пути их решения через совершенствование законодательной базы и технологическую модернизацию системы контроля. Авторами использованы теоретические и эмпирические методы исследования: анализ точек зрения ученых на процессуальную природу запрета определенных действий, сопоставление статистических данных применения мер пресечения по годам, опрос правоприменителей.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, мера пресечения, запрет определенных действий, процессуальное принуждение, гуманизация, электронный мониторинг, домашний арест, ограничения

Для цитирования: Гребнева Н. Н., Максимовских А. В. Запрет определенных действий как уникальная и универсальная мера процессуального принуждения в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. Т. 13, № 2. С. 100–106. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-2-9>.

Original article

Certain actions prohibition as unique and universal measure of procedural coercion in Russian criminal proceedings

Natalya N. Grebneva[✉], Anastasiya V. Maksimovskikh
Surgut State University, Surgut, Russia

Abstract. The article identifies certain actions prohibition as a universal measure of criminal coercion, analyzes its specifics, unique characteristics, and advantages over other measures of coercion. Authors suggest considering the prohibition of certain actions in criminal proceedings as an independent measure of restraint, a necessary component of house arrest, a way to ensure bail and property arrest, and, in general, as an element of the criminal process's proper and effective functioning. The emphasis is on the humanistic focus and variability of prohibitions and the technological aspects of monitoring compliance. This analysis identifies problems from insufficiently regulated control mechanisms for monitoring compliance with established prohibitions, and it proposes solutions via legislative improvements and technological modernization of the control system. The authors used theoretical and empirical methods of research: analysis of scientists' views on the procedural nature of certain actions prohibition; comparison of statistical data on the use of preventive measures by years; survey of law enforcers.

Keywords: criminal proceedings, preventive measure, certain actions prohibition, procedural coercion, humanization, electronic monitoring, house arrest, restrictions

For citation: Grebneva N. N., Maksimovskikh A. V. Certain actions prohibition as unique and universal measure of procedural coercion in Russian criminal proceedings. *Surgut State University Journal*. 2025;13(2):100–106. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-2-9>.

ВВЕДЕНИЕ

Уголовный процесс с момента своего становления всегда содержал элементы запретов и принуждений. Без них уголовно-процессуальная деятельность была бы совершенно бессмысленна и неэффективна. Запрет определенных действий как самостоятельная мера пресечения появился в Уголовно-процессуальном кодексе России (далее – УПК РФ) в апреле 2018 г. К настоящему времени он «прижился» в уголовном процессе и стал активно использоваться следователями, дознавателями, судьями, что подтвердил проведенный нами опрос следователей следственного отдела по городу Сургуту следственного управления Следственного комитета России по ХМАО-Югре и судей Сургутского районного и Сургутского городского судов.

Журналист Вадим Куликов называет запрет определенных действий «мягким домашним арестом» и указывает на растущую популярность этой меры пресечения [1]. Анализ данных судебной статистики, содержащихся на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ, показывает, что из четырех мер пресечения, избираемых в уголовном процессе по судебному решению, только количество применения запрета определенных действий выросло. Так, за шесть месяцев 2023 г. материалы по заключению под стражу рассматривались судами России 47 806 раз, из них судебные органы удовлетворили 41 724 ходатайства, за шесть месяцев 2024 г. – 46 643 и 40 963 соответственно. Ходатайства о применении домашнего ареста за 6 месяцев 2023 г. судами рассматривались 4 545 раз, удовлетворено 3 871 ходатайство; в 2024 г. эти показатели составили 4 341 и 3 740. По запрету определенных действий цифры таковы: в 2023 г. (6 месяцев) заявлено 2 204 ходатайства, из них удовлетворено 1 938; в 2024 г. (6 месяцев) заявлено 2 303 ходатайства, удовлетворено 2 113 [2].

Однако же рассматривать запрет определенных действий только как меру пресечения в уголовном процессе было бы слишком узко, в действительности это уникальная и универсальная мера процессуального принуждения, которая может быть и самостоятельной мерой пресечения, и элементом домашнего ареста, и обеспечительной мерой залога, и запретом при аресте имущества, а в целом запреты обеспечивают нормальное функционирование уголовного процесса.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В ходе проведенного исследования авторами активно использованы теоретические и эмпирические методы: анализ точек зрения ученых на процессуальную природу запрета определенных действий, сопоставление статистических данных применения мер пресечения по годам, опрос правоприменителей (судей, следователей) и др.

Проведение научных исследований запрета определенных действий стало в настоящее время очень популярно среди ученых-процессуалистов. Так, в 2019 г. подробному анализу и конструктивной критике подверг запреты, содержащиеся в статье 105.1 УПК РФ, А. Р. Белкин [3]. Теоретические и практические аспекты применения запрета определенных действий рассматривали в своих исследованиях В. С. Удовиченко и С. А. Сорокина [4], Н. Н. Гребнева [5], А. В. Максимовских [6] и др. Запрету определенных действий как мере пресечения посвятили свои диссертационные исследования такие ученые, как Ю. В. Михайлина [7], О. Д. Вастьянова [8], А. В. Кык [9], Н. А. Андроник [10] и др. Однако научные работы данных авторов посвящены в основном исследованию запрета определенных действий как меры пресечения, мы же рассматриваем запрет более широко, как меру процессуального принуждения со стороны ее универсальности и уникальности.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Мера процессуального принуждения в виде запрета определенных действий является собой уникальный правовой инструмент, позволяющий достичь наиболее оптимального баланса между необходимостью обеспечения надлежащего поведения лица, в отношении которого ведется уголовное преследование, и сохранением его основных прав и свобод. В отличие от более строгих мер пресечения, среди которых можно выделить, к примеру, заключение под стражу, данная мера не предполагает полную изоляцию лица от общества, поскольку подозреваемый или обвиняемый сохраняет возможность проживать в привычных условиях, поддерживать социальные связи, продолжать трудовую деятельность и заботиться о своей семье, что существенно снижает негативные последствия уголовного преследования как для самого лица, так и для его близких.

Гуманистическая направленность данной меры проявляется в ее избирательном характере, когда ограничения устанавливаются точно и касаются только тех аспектов жизни подозреваемого или обвиняемого, которые непосредственно связаны с целями уголовного судопроизводства. Например, если имеет место риск оказания давления на свидетелей, может быть установлен запрет на общение с определенными лицами, а при опасности сокрытия от следствия – запрет на выезд за пределы населенного пункта. При этом остальные сферы жизни человека остаются практически незатронутыми ограничениями, что позволяет ему сохранять социальную активность и не терять своего места и положения в обществе. Мы считаем, что такой подход не только соответствует принципу презумпции невиновности, но и способствует последующей ресоциализации лица в случае, если его вина не будет доказана.

Практика применения запрета определенных действий демонстрирует довольно широкий спектр возможных ограничений, которые могут быть наложены на подозреваемого или обвиняемого. Основопологающим запретом выступает ограничение на выход из места проживания в определенное время суток – как

правило, в ночные часы. Данное ограничение позволяет осуществлять базовый контроль за перемещением лица и снижает риск совершения новых преступлений или попыток скрыться от следствия. При этом конкретные часы запрета устанавливаются судом индивидуально, с учетом характера работы лица, его семейных обязанностей и иных значимых обстоятельств [11, с. 241].

Другая мера принуждения – запрет на нахождение в определенных местах или вблизи конкретных объектов, а также на посещение массовых мероприятий – особенно актуальна в тех случаях, когда характер предполагаемого преступления связан с общественными местами или массовым скоплением людей. Например, при расследовании преступлений, связанных с массовыми беспорядками, суд может запретить посещение митингов, демонстраций и иных публичных мероприятий. Аналогично при расследовании преступлений против несовершеннолетних может быть установлен запрет на приближение к образовательным учреждениям.

Особое значение имеет возможность ограничения в использовании средств связи и интернета. В современном мире данный запрет может существенно повлиять на способность лица противодействовать расследованию или оказывать давление на свидетелей. При этом суд может установить как полный запрет на использование средств коммуникации, так и частичные ограничения, например запрет на использование определенных приложений или социальных сетей. В некоторых случаях может быть разрешено использование средств связи только для общения с определенным кругом лиц или в определенное время.

Запрет на управление транспортным средством чаще всего применяется в делах, связанных с нарушением правил дорожного движения, но может быть актуален и в иных случаях, когда существует риск использования транспортного средства для совершения преступлений или уклонения от следствия. При этом суд наделяется вполне логичным правом конкретизировать данный запрет, например распространив его только на определенные

виды транспортных средств или определенное время суток.

Важным преимуществом данной меры принуждения является открытый характер перечня возможных запретов, что позволяет суду проявлять гибкость и гуманность при определении необходимых ограничений. Так, судебная инстанция может комбинировать различные запреты, устанавливая их на разные сроки, модифицировать в зависимости от поведения подозреваемого или обвиняемого и хода расследования. Нам представляется, что такой подход обеспечивает максимальную эффективность меры пресечения при минимально необходимом ограничении прав и свобод личности.

Уникальность запрета определенных действий как меры процессуального принуждения проявляется в нескольких ключевых аспектах. Прежде всего это единственная мера пресечения, которая может применяться как самостоятельно, так и в комбинации с другими мерами процессуального принуждения, в частности, с залогом и домашним арестом. Такая гибкость позволяет создавать индивидуализированный комплекс ограничений, который бы максимально соответствовал целям уголовного судопроизводства в каждом отдельно взятом случае.

Другой уникальной особенностью мы считаем вариативность и масштабируемость налагаемых ограничений. В отличие от других мер пресечения, где объем ограничений прав и свобод фиксирован или варьируется в очень узких пределах, запрет определенных действий позволяет точно ограничивать именно те права и свободы, которые имеют непосредственное отношение к целям уголовного преследования. При этом ограничения могут быть как минимальными (например, только запрет на общение с определенными лицами), так и достаточно существенными, приближающимися по строгости к домашнему аресту [12, с. 332].

Запрет подозреваемому, обвиняемому (как собственнику) и иным лицам распоряжаться имуществом составляет суть наложения ареста на имущество как иной меры

процессуального принуждения. Так, например, при совершении преступления, предусмотренного статьей 264.1 УК РФ, судьи Сургутского городского суда налагают арест на автомобиль подозреваемого, запрещая ему «распоряжаться указанным имуществом, а именно: заключать договоры купли-продажи автомобиля, залога и иные сделки, предметом которых является отчуждение или обременение данного имущества» [13].

Особая ценность данной меры принуждения заключается в ее превентивном характере и способности эффективно предотвращать новые правонарушения без излишнего ограничения свободы личности. Например, при расследовании преступлений в сфере информационных технологий может быть достаточно установить запрет на использование интернета, не ограничивая при этом передвижение лица или его социальные контакты. Представляется, что подобный подход позволяет минимизировать негативные социальные последствия применения меры пресечения.

Важным аспектом уникальности является технологическая составляющая контроля за соблюдением запретов. Использование современных средств электронного мониторинга, среди которых мы можем выделить GPS-браслеты, средства аудиовизуального контроля и специализированное программное обеспечение, позволяет осуществлять надзор за соблюдением установленных ограничений без необходимости постоянного физического присутствия сотрудников правоохранительных органов.

Нельзя не отметить и экономическую эффективность данной меры пресечения. В отличие от содержания под стражей, требующего значительных материальных затрат на содержание следственных изоляторов и обеспечение условий содержания, запрет определенных действий минимизирует финансовую нагрузку на государство. При этом достигается сопоставимый уровень контроля за поведением подозреваемого или обвиняемого.

Уникальной чертой является также возможность оперативной корректировки наложенных запретов в зависимости от поведения

лица и хода расследования. Иначе говоря, судебная инстанция может как ужесточить ограничения при нарушении установленных запретов, так и смягчить их при добросовестном поведении подозреваемого или обвиняемого. Мы считаем, что такая динамичность позволяет поддерживать оптимальный баланс между необходимостью обеспечения целей уголовного судопроизводства и соблюдением прав и свобод личности.

Наконец, уникальность данной меры проявляется в ее соответствии современным тенденциям гуманизации уголовного процесса и развития альтернативных мер пресечения. Следовательно, можно согласиться с тем, что запрет определенных действий представляет собой прогрессивный инструмент уголовно-процессуального права, отвечающий потребностям современного общества и правовой системы.

Однако нельзя не отметить и ряд проблем, связанных с запретом определенных действий как меры процессуального принуждения. Так, сегодня имеет место недостаточная регламентация механизма контроля за соблюдением установленных запретов. Несмотря на то что нормами и положениями действующего законодательства предусмотрено использование технических средств контроля, на практике возникают сложности с определением степени нарушения запретов и оперативным реагированием на них. Например, при запрете на использование интернета сложно установить, использовал ли обвиняемый сеть через другие устройства или с помощью третьих лиц. Кроме того, актуальна проблема разграничения случайных и намеренных нарушений запретов, что создает трудности для правоприменителей при решении вопроса о необходимости ужесточения меры пресечения [14, с. 132].

В качестве первого направления решения данной проблемы мы видим совершенствование законодательной базы путем внесения дополнений в ст. 105.1 УПК РФ, которые бы четко регламентировали процедуру контроля за соблюдением запретов. В частности, считаем необходимым законодательно закрепить критерии оценки нарушений установленных запретов, классифицировав их по степени тя-

жести (незначительные, существенные и грубые нарушения). Для каждой категории нарушений следует предусмотреть соответствующие меры реагирования – от предупреждения до немедленной замены меры пресечения на более строгую. Также важно установить четкий алгоритм действий контролирующих органов при выявлении нарушений, включая сроки реагирования и порядок фиксации нарушений.

Второе направление связано с технологической модернизацией системы контроля за соблюдением запретов. Необходимо разработать и внедрить комплексную автоматизированную систему мониторинга, которая бы включала в себя не только GPS-трекинг, но и программные решения для контроля использования интернета и средств связи. Такая система должна обеспечивать многоуровневую идентификацию пользователя (биометрическую, поведенческую), что значительно снизит возможность обхода запретов через третьих лиц или альтернативные устройства. Важным элементом этой системы мы видим создание единой базы данных нарушений, которая позволит систематизировать практику и обеспечить единообразный подход к оценке серьезности нарушений. При этом система должна быть способна автоматически генерировать уведомления о потенциальных нарушениях и предоставлять детальные отчеты о соблюдении установленных ограничений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что:

1) запрет определенных действий представляет собой прогрессивную и гибкую меру процессуального принуждения, которая позволяет эффективно достигать целей уголовного судопроизводства при минимально необходимом ограничении прав и свобод подозреваемого или обвиняемого;

2) данная мера процессуального принуждения является уникальной. Ее уникальность заключается в возможности комбинирования с другими мерами пресечения и процессуального принуждения, широком спектре возможных ограничений и индивидуальном подходе к каждому отдельному случаю;

3) запрет определенных действий является универсальной мерой процессуального принуждения, так как может одновременно применяться в уголовном процессе и как самостоятельная мера пресечения, и как отдельный элемент другой меры пресечения (домашний арест, залог), и как запрет в содержании иной меры процессуального принуждения (наложение ареста на имущество, отстранение от должности);

4) несмотря на существующие проблемы в области контроля за соблюдением запретов и необходимость дальнейшего совершенствования законодательной базы, запрет определенных действий демонстрирует значительный потенциал как инструмент гуманизации уголовного процесса, позволяющий обеспечить баланс между интересами правосудия и сохранением социальных связей лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Список источников

1. Куликов В. Суды начали активно назначать «мягкий» домашний арест. URL: <https://rg.ru/2025/01/20/posidite-doma.html> (дата обращения: 29.01.2025).
2. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 6 месяцев 2023 года и за 6 месяцев 2024 года. URL: <http://mirsud86.ru/controlaction/docs/> (дата обращения: 13.02.2025).
3. Белкин А. Р. Запрет определенных действий – хорошо ли он определен? // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 2. С. 43–50.
4. Удовиченко В. С., Сорокина С. А. Запрет определенных действий: актуальные проблемы теории и практики // Алтайский юридический вестник. 2022. № 2. С. 125–130.
5. Гребнева Н. Н. Запрет определенных действий: теоретические и практические аспекты // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2021. № 4. С. 116–119.
6. Максимовских А. В. Запрет определенных действий: проблемы реализации и перспективы развития // Юридические науки: актуальные вопросы теории и практики : сб. ст. VIII Междунар. науч.-практич. конф., 15 ноября 2024 г., г. Пенза. Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2024. С. 52–54.
7. Михайлина Ю. В. Запрет определенных действий как мера пресечения: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 176 с.
8. Вастьянова О. Д. Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2022. 206 с.
9. Квык А. В. Меры пресечения, избираемые по инициативе суда на стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 281 с.
10. Андроник Н. А. Меры пресечения, избираемые судом по ходатайству органов предварительного расследования: проблемы правоприменения и законодательного регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2023. 222 с.
11. Коновалова А. Б., Седченко Д. А., Князева Д. А. Запрет определенных действий: успешное нововведение законодателя или ошибка, порождающая

References

1. Kulikov V. Sudy nachali aktivno naznachat “myagkiy” domashniy arrest. URL: <https://rg.ru/2025/01/20/posidite-doma.html> (accessed: 29.01.2025). (In Russ.).
2. Otchet o rabote sudov obshchej yurisdiktsii po rassmotreniyu ugovolnykh del po pervoy instantsii za 6 mesyatsev 2023 goda i za 6 mesyatsev 2024 goda. URL: <http://mirsud86.ru/controlaction/docs/> (accessed: 13.02.2025). (In Russ.).
3. Belkin A. R. Prohibition of definite actions – is it well defined? *Judicial authority and criminal process*. 2019;(2):43–50. (In Russ.).
4. Udovichenko V. S., Sorokina S. A. Prohibition of certain actions: Current problems of theory and practice. *Altai Law Journal*. 2022;(2):125–130. (In Russ.).
5. Grebneva N. N. Prohibition of certain actions: Theoretical and practical aspects. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) MGYuA*. 2021;(4):116–119. (In Russ.).
6. Maksimovskikh A. V. Prohibition of certain actions: Implementation problems and development prospects. In: *Proceedings of 8th International Research-to-Practice Conference “Yuridicheskie nauki: aktualnye voprosy teorii i praktiki”*, November 15, 2024, Penza. Penza: MTsNS “Nauka i Prosveshchenie”; 2024. p. 52–54. (In Russ.).
7. Mikhaylina Yu. V. Zapret opredelennykh deystviy kak mera presecheniya: teoreticheskie, zakonodatelnye i pravoprimenitelnye problem. *Cand. Sci. (Law) Thesis*. Moscow; 2024. 176 p. (In Russ.).
8. Vastyanova O. D. Zapret opredelennykh deystviy kak mera presecheniya v ugovolnom protsesse Rossii. *Cand. Sci. (Law) Thesis*. Irkutsk; 2022. 206 p. (In Russ.).
9. Kvyk A. V. Mery presecheniya, izbiraemye po initsiative suda na stadii predvaritelnogo rassledovaniya. *Cand. Sci. (Law) Thesis*. Moscow; 2023. 281 p. (In Russ.).
10. Andronik N. A. Mery presecheniya, izbiraemye sudom po khodataystvu organov predvaritelnogo rassledovaniya: problemy pravoprimeneniya i zakonodatel'nogo regulirovaniya. *Cand. Sci. (Law) Thesis*. Yekaterinburg; 2023. 222 p. (In Russ.).
11. Konovalova A. B., Sedchenko D. A., Knyazeva D. A. Zapret opredelyonnykh deystviy: uspeshnoe novovvedenie zakonodatelya ili oshibka, porozhdayushchaya

- новые проблемы? // Студент. Наука. Регион : сб. материалов II Регионал. антиконф. 10 ноября 2023 г., г. Киров. Киров : Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2023. С. 240–244.
12. Цебекова Г. В., Аштаева С. С., Сухинин А. В. и др. Проблемные аспекты применения запрета определенных действий // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7. С. 330–334. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_7_330.
13. Постановление судьи Сургутского городского суда от 16.01.2025 по делу № 3/6-12/2025. Архив Сургутского городского суда ХМАО-Югры.
14. Тимошкина В. А. К вопросу о некоторых проблемах, возникающих при избрании запрета определенных действий в качестве меры пресечения // Вестник российского университета кооперации. 2022. № 4. С. 130–134.
- novye problemy? In: *Proceedings of 2nd Regional anticonference “Student. Nauka. Region”*, November 10, 2023, Kirov. Kirov: Mezhregionalnyy tsentr innovatsionnykh tekhnologiy v obrazovanii; 2023. p. 240–244. (In Russ.).
12. Tsebekova G. V., Ashtaeva S. S., Sukhinin A. V. et al. Problematic aspects of the application of the prohibition of certain actions. *Law and the State: The Theory and Practice*. 2023;(7):330–334. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_7_330. (In Russ.).
13. Postanovlenie sudi Surgutskogo gorodskogo suda ot 16.01.2025 po delu No. 3/6-12/2025. Arkhiv Surgutskogo gorodskogo suda KHMAO-Yugry. (In Russ.).
14. Timoshkina V. A. To the question of some problems arising when the prohibition of certain actions is elected. *Vestnik of the Russian University of Cooperation*. 2022;(4):130–134. (In Russ.).

Информация об авторах

Н. Н. Гребнева – кандидат юридических наук, доцент;

<https://orcid.org/0009-0000-4081-3522>,
grebneva_nn@surgu.ru

А. В. Максимовских – документовед, магистрант;
<https://orcid.org/0009-0003-0721-3033>,
maksimovskih_av@surgu.ru

About the authors

N. N. Grebneva – Candidate of Sciences (Law), Docent;

<https://orcid.org/0009-0000-4081-3522>,
grebneva_nn@surgu.ru

A. V. Maksimovskikh – Records Manager, Master’s Degree Student;

<https://orcid.org/0009-0003-0721-3033>,
maksimovskih_av@surgu.ru